

A. A. Soldatov
State Marine Technical University

PECULIARITIES OF PRESIDENTIAL ELECTIONS IN THE USA IN 2016

The article is devoted to the presidential elections in the USA last year. The sociological analysis of the main results of these elections and those changes taking place in American electoral processes is carried out. Analyzing the results of these elections the author uses the net approach, the theory of the resource dependence and the conception of social classes. The conclusions about the beginning of washing out of stable political coalitions in the American political system and the formation of a new political situation in this country are drawn.

Presidential elections, political market, the USA, political culture, communication, nuclear electorate

УДК 316.286

А. В. Щербина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА В КОНФЛИКТОЛОГИИ

Рассматривается эвристический потенциал анализа социального конфликта в коммуникативной парадигме, позволяющей обогатить отечественную конфликтологию методами современной лингвистики. Намечаются методологические ориентиры дискурс-анализа социального конфликта как процесса, имеющего латентную и явную фазы. Специальное внимание уделяется понятиям коммуникативного конфликта, конфликтного дискурса.

Социальный конфликт, коммуникация, социолингвистический анализ, когнитивные схемы, дискурс-анализ, коммуникативный конфликт, конфликтный дискурс, коммуникативная стратегия

Глобальная конкуренция, терроризм и экстремизм, информационные войны, разрушение государственности под давлением внутренних противоречий и глобальной конъюнктуры, непримиримая идеологическая борьба под светскими и конфессиональными знаменами, неспособность договариваться и приходиться к долговременному согласию на глобальном, региональном, локальном уровнях, рост речевой агрессии – все это порождает ощущение «перманентного конфликта», хрупкости мира и побуждает к поиску новых способов рационального осмысления конфликтов и возможностей их регулирования.

Исследования социальных конфликтов имеют междисциплинарный характер. Представляется продуктивным рассмотреть некоторые актуальные направления анализа социальных конфликтов в коммуникативной парадигме, одной из самых амбициозных в современном социально-гуманитарном знании, обладающей ярко выраженным междисциплинарным характером и нацеленностью на решение прикладных задач. Не претендуя на выдвижение целостной характеристики коммуникативной парадигмы, выделим два акцентированные в ней положения, значимые для обсуждаемой темы:

1) коммуникация имеет символическую природу, что определяет значимость семиотических и социолингвистических подходов к ее анализу;

2) исследователь социальной коммуникации испытывает на себе ее влияние и сам влияет на нее.

Конфликтология – относительно новая дисциплина, синтезирующая проблематику и объясняющие схемы, разработанные в социологии, политологии, социальной психологии, правоведении, экономической теории. Многие исследователи и практики, ориентирующиеся на коммуникативную парадигму, полагают, что в изучении социального конфликта нужно опираться на методы и подходы, которые развивает, зачастую пересекая традиционно сложившиеся дисциплинарные границы, современная лингвистика. Лингвистически компетентные исследователи, медиаторы, педагоги, переводчики, эксперты могут внести существенный вклад в развитие отечественной конфликтологической теории и практики, обогатив ее содержание средствами дискурс-анализа, концептуального анализа, исследованиями коммуникативных стратегий и речевых практик.

Возможность и плодотворность конфигурирования социологической и лингвистической перспектив сегодня не просто осознается, но и демонстрируется исследователями. Возросшая значимость коммуникативных институтов отражается на общественном весе лингвистики. Профессиональная деятельность лингвиста становится все более публичной. Социология, социальная психология давно уже дистанцировались от позитивистского образца и выступают интерпретативными дисциплинами. Современная лингвистика все чаще обращается к анализу социума, институтов, социальных позиций, статусов, ролей, к социальным процессам, контекстам социального взаимодействия, вне которых высказывания не могут быть поняты. Через свои категории (речевой жанр, языковая личность, дискурс) лингвисты выражают социокультурную детерминированность языка и речевого поведения.

В социальной философии, в социологии произошел «коммуникативный поворот»: отказавшись от объективизма, социологи переосмысляют в коммуникативной парадигме категории социального действия, социальных институтов, ценностно-нормативного порядка, общества, личности и рассматривают их как производимые и воспроизводимые в коммуникациях. Предметом интереса и интерпретации стали вопросы о том, как люди дискурсивно конструируют свои по преимуществу ситуативные версии «социума». Это закономерно привело к возрастанию объема и веса качественных исследований.

Признание того, что человеческий опыт не поддается однозначной объективации и квантификации, направило внимание к локальному: конкретным эпизодам общения, нарративному изложению событий, детальному этнографическому описанию, биографии. Социальные взаимодействия интерпретируются как разворачивающиеся процессы интеракций, в которых смыслы, приписываемые взаимодействующими людьми разным аспектам личности (культурным, статусным, ролевым), возникают и меняются в самом процессе взаимодействия по мере определения и обсуждения оснований оценки ситуаций, целей, задач и течения коммуникативных событий. Описание и типологизация ритуализированных интерактивных ситуаций дополняются анализом проблемных, в которых нарушается привычный ход общения, возникают и переживаются трудности, заставляющие участников пересматривать ситуацию, себя и других.

В поле современных гуманитарных наук коммуникация осмысливается предельно широко, как процесс производства и передачи смыслов, которые объединяют социальное и личное, – как культура. Коммуникация – это сам социальный процесс, а не процесс, осуществляющийся до, вне или после него и только его обслуживающий. Сообщения о действительности возникают в развертывающемся во времени потоке коммуникации человеческого сообщества. Высказывания имеют смысл только как часть диалога. Ответные высказывания создают новые смыслы, постоянно меняя контекст. Так называемая «психологическая речь» о восприятии, чувствах, мотивах, эмоциях не столько выражает внутреннюю реальность,

сколько возникает в самих этих сообщениях, формулируемых в зависимости от позиций участников коммуникации. В коммуникативной парадигме признается: для понимания того, как возникают и воспроизводятся социальные общности, необходимо привлекать категории коммуникативного события, дискурса, речевого жанра, лингвокультуры, социолекта.

Только по мере того, как лингвистически опосредованные актуальные социальные интеракции становятся прошлым, упорядочиваются и ранжируются в качестве истории, появляются привычные версии описания мира, групповой идентичности, собственного «я», локальные дискурсивные онтологии и социальные санкции для их поддержания. В анализе этих процессов используются концепты «социальные представления», «здравый смысл», «мимесис», «объективация», «наименование», проливающие новый свет на «социальные факты» классической социологии.

Предметом размышлений в данной статье являются диктуемые коммуникативной парадигмой возможности конфигурирования социологической и лингвистической аналитических перспектив при исследовании социальных конфликтов.

Под социальным конфликтом будем понимать особенную форму взаимодействия двух (возможно и более) субъектов. Один субъект стремится противопоставить свою волю другой, в свою очередь ей сопротивляющейся, и ориентирует свои действия на это ожидаемое сопротивление. В отличие от господства, при котором воление ориентировано на мотив уступчивости, конфликт предполагает самоопределение (некоторого рода свободу) другого, отрицает иерархию и основанные на ней отношения господства и подчинения, утверждает равенство.

Конфликт как особого рода взаимодействие не просто «имеет лингвистическое выражение», но разворачивается как коммуникация и может рассматриваться как текст, дискурс, коммуникативное событие, речевое поведение. Анализ элементов манифестированного конфликта, использующий инструменты лингвистики, позволяет выявлять его важнейшие характеристики: каким образом взаимно определяются в коммуникации участники конфликта (конфликтующие стороны, заинтересованные лица, подстрекатели, примирители, наблюдатели, «третьи радующиеся» с их статусно-ролевыми, социально-психологическими и лингвокультурными характеристиками); как стороны обозначают в коммуникации конфликтную ситуацию; какими символами оперируют лидеры и рядовые члены; как в коммуникации стороны конфликта манифестируют свои установки на противоборство, стремление избежать борьбы, готовность урегулировать конфликт, достичь соглашения на основе согласования интересов, частичного или полного примирения сторон, признать победу или поражение (установки, индивидуальные и групповые позиции участников конфликта не только проявляются, но и формируются, и модифицируются в коммуникативных ситуациях); как стороны очерчивают зону разногласий, ретроспективно определяют и переопределяют причины, объект, предмет конфликта; каковы избираемые участниками конфликта стили поведения, коммуникативные стратегии и тактики, мобилизуемые средства и ресурсы, значения переменных насильственности и интенсивности; какие специфические ограничения налагают институциональные нормы, а какие – лингвокультура.

Важно учесть, что при значительном разнообразии объяснительных моделей конфликтов адекватность выбора концепции для исследования конкретного конфликта зависит от определения его типа. Существуют разнообразные типологии конфликтов: общественный и необщественный, реалистический и нереалистический, институциональный и нормативно не определенный, межличностный, внутригрупповой и межгрупповой, конструктивный и деструктивный. Обоснованно и плодотворно сочетание разных типологий и создание новых, адекватных предметному содержанию.

Самостоятельный интерес представляет исследование лингвистического своеобразия политического, педагогического, профессионального, этнического конфликтов с характерными для каждого из них словарем, импликатурами, согласованностями смыслов, синтаксисом, стилем, риторическими приемами, структурой аргументации.

Диагностика межгрупповых (международных, национальных, этнических) конфликтов предполагает совмещение анализа институциональных акторов (государств, правительств) на макроуровне и индивидуальных поведенческих стратегий на микроуровне. Качественные локальные исследования позволяют судить о легитимности лидеров, о том, насколько межгрупповые конфликты выполняют мобилизующие и интегрирующие функции, о том, воспринимается ли рядовыми членами борьба как «наша» или «их», и видеть перспективы их урегулирования.

Социолингвистические исследования обнаруживают в культурах глубинный слой: «когнитивные схемы» [1, с. 77–78], которые упорядочивают поток опыта, фрагментируют, интегрируют его, вследствие чего и возникают представления, знания, верования, ценности и нормы, структурирующие и контролирующие поведение. Когнитивные схемы задают интерпретацию опыта, включают интерпретируемое событие в широкий контекст смыслов и ожиданий. Эти схемы формируют интенции и мнения, направляют действия людей («ради других», «против других», «вопреки другим»), позволяют их координировать. В коммуникации они не отображаются, а конструируются (интерактивно и дискурсивно). В этом контексте самостоятельный интерес представляют диагностика и экспертиза конфликтного потенциала разделяемых группой социальных представлений и содержащихся в них схем интерпретации значимых исторических событий.

Социолингвистические исследования идеологии позволяют понять, как координируются социальные практики внутри группы в контексте взаимодействия с другими группами, как реализуются стратегии дифференцирования своего и чужого, включения и исключения, саморепрезентации и негативного представления другого, как складывается и воспроизводится «образ врага», как застывают соответствующие стереотипы, каковы репертуары «языка вражды», «языка ненависти», какие риторические ходы и стилистические приемы используются актерами (семантические стратегии смягчения, эвфемизмы, оценочные слова, местоимения, номинации, ошибки, повторы, синхронизации, фонетические ассимиляции), какова их система аргументации (стратегии эмоционального и когнитивного убеждения, легитимации, самопрославления).

Конфликт имеет собственную инерцию развития, относительно независимую от породивших его причин. Если хотя бы один из участников взаимодействия определяет ситуацию как конфликтную, само взаимодействие моделируется определенным образом. В этом плане значительный интерес представляют сравнительные исследования конфликта с позиций когнитивной лингвистики – как: «концепта» – единства образа, понятия и символа (В. В. Колесов); «фрейма» – схемы организации представлений о различных способах поведения в типовых ситуациях (М. Мински, Ч. Филлмор); «ментальной модели» – обобщенной схемы наших знаний об окружающем мире (Ф. Джонсон); «скрипта» – динамики типовых ситуаций и их корректировки (Р. Шенк, Р. Абелсон) в различных лингвокультурах [2].

Самостоятельный, и не только теоретический, интерес для осмысления конфликтов представляет собой анализ языка политкорректности. Западные страны преуспели в его разработке. Как, впрочем, и в его критике (в рамках критического дискурс-анализа и в пародийных жанрах литературных, публицистических и кинематографических произведений, в анекдотах). Общим местом стало разоблачение двойственной сущности политкорректного языка: скон-

струированный для предотвращения конфликтов, он препятствует их действительному разрешению. Ведь с манифестации конфликта начинается процесс его урегулирования. Заимствованная западная политкорректная лексика в российских публичных дискуссиях часто выполняет функцию, прямо противоположную предписанной, и служит для выражения именно негативного или скептического отношения к тому, о ком говорят политкорректно. Все это не уменьшает потребности противостоять речевой агрессии, речевому хулиганству, оскорбительной лексике, уничижительным (намеренно или нет) номинациям, которыми переполнено российское коммуникативное пространство.

Анализ заимствований, привнесенных понятий, проблемы «перевода», языковой ментальности имеет в данном контексте практический (программирующий, моделирующий социальное поведение) смысл. Почему, например, выражение «многообразие культур» имеет положительные коннотации и несет умиротворяющий потенциал, а «мультикультурализм» стойко ассоциируется с тщательно скрываемой ксенофобией? Традиции российской дипломатии, учтивого общения должны учитываться при разработке этикетных формул, уважительного языка. Формирующиеся тенденции, эксперименты, попытки нормотворчества в этой области заслуживают критического исследования.

Развитие антропо- и социолингвистики диктуется практическими нуждами общества. Некоторые исследователи говорят о необходимости создания «неориторики», практической области гуманитарного знания, которая имела бы и рецептурную составляющую, влияющую на построение дискурсов, на речевую культуру социума и отдельных языковых личностей. Интересен и нуждается в дальнейшем анализе опыт создания типологии языковых личностей на основе такой переменной, как способность к кооперации в речевом поведении (способность согласовывать свои речевые действия с речевыми действиями партнера). Заслуживает внимания предложенная К. Ф. Седовым типология речевого поведения, основанная на уровневых различиях коммуникативной компетентности: конфликтный, центрированный и кооперативный типы [3].

В конфликтологической литературе коммуникативный конфликт рассматривается в качестве относительно самостоятельной разновидности социального конфликта. Тем самым создается определенная терминологическая путаница. Если каждый конфликт – коммуникация, то в чем смысл выделения коммуникативного конфликта? Коммуникативный конфликт описывается в одном ряду с такими явлениями, как коммуникативный сбой, коммуникативная неудача, провал. Незнание нормы языка, языковых обычаев, отклонения от них, нарушение кода поведения, умышленный или непреднамеренный выбор неадекватного ожиданиям партнера способа общения (словесного репертуара, шаблонов организации различных по жанру высказываний, правил общения двух, трех и т. п.) порождают коммуникативные трудности.

Предполагается, что коммуникативный конфликт в узком смысле возникает неумышленно. Перспектива его урегулирования зависит от того, стремятся ли его участники нейтрализовать коммуникативные неудачи посредством наводящих вопросов, уточнений, посредством прояснения контекстов: речевого, экзистенциального (объекты, состояния, события, действия – все, к чему отсылает высказывание), ситуационного, акционального, психологического. С социологической точки зрения, коммуникативный конфликт может иметь как реалистический, так и нереалистический характер. Коммуникативный конфликт может выражать противоборство сторон и выступать средством урегулирования разногласий. Эвристический потенциал понятия коммуникативного конфликта полнее всего рас-

крывается в исследованиях межкультурной коммуникации, в которой коммуникативные неудачи ожидаемы и неизбежны. С целью их предотвращения и преодоления в рамках кросскультурных исследований обращают внимание на следующие различия в реализации коммуникативных задач: разное (культурно обусловленное) представление о текущей ситуации общения и уместном поведении в ней; разные способы подачи информации в сообщении или дискуссии; использование разных негласных языковых конвенций (тон голоса и пр.) для выделения логических связей, указания на значимость сообщаемого. Например, коммуникативная стратегия китайцев: при ответе на вопрос сначала надо сообщить мотивацию, предпосылки, а потом сам ответ. Западная коммуникативная стратегия предполагает сначала ответ, а потом изложение деталей предлагаемого решения.

Коммуникативные стратегии укоренены в культуре и далеко не всегда сознательно избираются участниками коммуникации. Большую популярность в кросскультурных исследованиях приобрели аналитические модели Г. Хофстеде (базовые измерения культуры: дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, мужское/женское, избегание неопределенности) и Э. Холла (высоко- и низкоконтекстные культуры). Для налаживания успешной коммуникации все ее участники должны обладать специфическими коммуникативными компетенциями: знаниями, относящимися к языку и его устройству, к принятым в обществе формам и конвенциям речевого поведения.

Рассмотрим некоторые аналитические модели, которые могут применяться для исследования социальных конфликтов в коммуникативной парадигме.

Сформировавшийся конфликт манифестируется как одно или ряд коммуникативных событий, осуществляющихся в определенных условиях: лицом к лицу или опосредованных СМИ и СМК, в форме повседневного разговора или теледебатов, официальных заявлений, публицистики. Социальный конфликт может исследоваться и в латентной форме. Р. Дарендорф определил латентный конфликт (который может и не дойти до «кристаллизации») как императивно координированные «социальные позиции» и связанные с ними ожидания защиты определенных интересов. Различные способы артикуляции этих интересов еще до «порога кристаллизации» образуют контекст конфликта как коммуникативного события, вне которого само событие не может быть адекватно понято, и одновременно заключают в себе ресурсы урегулирования конфликта. Латентный конфликт относительно независим от конкретной коммуникативной ситуации. Изучение латентного конфликта еще до его перерастания в стадию открытого противоборства важно в прогностических и профилактических целях.

Совмещение двух аспектов: события и фоновых ожиданий, текста и контекста – осуществляется в дискурсе. Дискурс охватывает и тексты, и высказывания. Дискурс одновременно отнесен к знанию спонтанному, слитому с живой речью, и к выводному, институционализированному, к инкорпорированному и к отчужденному. Существует необозримое многообразие определений дискурса и дискурс-анализа: «...дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [4, с. 7]. Предложено множество аналитических моделей дискурса. Например, «ситуационная модель» (Т. А. ван Дейк) сочетает социальные категории, определяющие знание и поведение в социальном контексте, с личностными знаниями субъекта (оценками, мнениями, установками); «полевая модель» (М. А. Холлидей) объединяет эмпирический и логический, межличностный и контекстуальный измерения дискурса.

Дискурс-анализ в широком смысле – техника интерпретации речевой деятельности, которая выявляет социокультурные (идеологические, политические, религиозные, лингвистические) предпосылки, присутствующие в высказываниях как их скрытая или явная,

осознанная или неосознанная «ангажированность». Многообразны и методики дискурс-анализа, реализуемые в соответствующих подходах: текстуальном, интертекстуальном и контекстуальном. Предметом интерпретации могут быть внутренние смысловые связи текста как автономного образования; смысловые связи группы текстов и высказываний в различных речевых жанрах, индикаторами которых выступают цитаты, ссылки, аллюзии, реминисценции. Наконец, текст, высказывание, рассматривается как продукт взаимодействия социальных агентов. Генерализирующая интерпретация направлена на выявление инвариантов смысла, устойчивых значений, обеспечивающих перевод текста и взаимопонимание, а индивидуализирующая – на уникальность текста в меняющемся контексте.

Попытаемся наметить методологические ориентиры дискурс-анализа социального конфликта как процесса, имеющего латентную и явную фазы. Связывая лингвистическое поведение с социальным конфликтом, исходим из того, что отнесение тех или иных высказываний, коммуникативных событий, речевых действий к сфере социального конфликта – это всегда интерпретация. Потенциально конфликтными могут быть названы любые действия социальных субъектов, основанные на их самоопределении. Конфликтные действия (актуальное противоборство социальных субъектов) и коммуникативные события связываются с уровнем дискурса посредством его стратегических функций: дифференциации, изоляции, противопоставления, сопротивления, принуждения, оппозиции, протеста, легитимации, персонификации. Рассматривать лингвистическое поведение с точки зрения этих функций значит квалифицировать его как конфликтное.

Предметом дискурс-анализа может выступать конфликт в его латентной фазе. В публичных рассуждениях об актуальных проблемах часто присутствует ретроспективный элемент: интерпретации значимых для сообщества исторических событий (Великая Отечественная война, холодная война, крушение советского проекта и т. п.). То, как в медиатекстах, публицистических и литературных произведениях, научных работах, учебных материалах, бытовых разговорах понимаются причины и исходы этих событий, как определяются победители и побежденные, оказывает существенное влияние на динамику конфликтов в современном обществе. Схемы интерпретации выступают средствами идентификации и атрибуции, формируют оценки, самопричисление, маркируют референтные группы, задают критерии деления на мы-группы и они-группы, выполняют функции рекрутирования и исключения, мобилизуют общности и несут умиротворение. Наличие разделяемых большинством интерпретаций – основа общественного согласия.

В публичных дискурсах сосуществуют и конкурируют интерпретации экспертные и обыденные, официальные и диссидентские. Одни актуальны и востребованы, открыто предъявляются, а другие – потенциально значимый ресурс. Одни приглашают к дискуссии без угрозы для тех, кто их предлагает, прослыть ренегатами и еретиками, а другие затрагивают ценностно-нормативный порядок.

Ценности никогда не разделяются всеми членами общности единодушно и «без вопросов». В коллективном и индивидуальном сознании они образуют оспариваемые иерархии, неизбежно порождающие нравственные коллизии. Ценности выступают источником конфликта на индивидуальном уровне и в межличностном взаимодействии, когда стороны приписывают разную важность несовместимым ценностям или же по-разному понимают одну и ту же ценность. Ценностный конфликт может разворачиваться внутри одной культуры между разными социокультурными группами и в межкультурной коммуникации. Выявление ценностных ориентаций у представителей разных культурных (языковых)

общностей позволяет строить идеально-типические модельные представления и на этой основе предсказывать конфликтные ситуации, варианты реагирования на конфликт. Материалом для дискурс-анализа ценностного конфликта могут быть первичные и вторичные речевые жанры: учебники, научные работы, публицистика, СМИ, художественная литература, кино, дискуссии в социальных сетях, нарративы с их семантическими, семиотическими, когнитивными, интенциональными характеристиками.

Притязание на монопольную интерпретацию (стремление уничтожить, ограничить оппонента, включить его точку зрения в свою) нуждается в легитимности, никогда не гарантированной, требующей подтверждения в коммуникативном действии. Как показал Ю. Хабермас, только в нем возможно предложить рациональные мотивы в пользу достижения согласия «в силу скрепляющего иллюкутивного эффекта, которым обладает приглашение к речевому акту» [5, с. 92]. Конфликт опасен, но не менее опасно и непродуктивно избегание конфликта.

Социально-психологическое, эмоционально-когнитивное измерение социального конфликта может быть раскрыто в лексико-семантическом и структурном анализе средств вербализации «социальных переживаний». Стереотипы, предвзятости, предубеждения производятся и воспроизводятся на уровне социальных дискурсов – от повседневных разговоров, высказываний в социальных сетях до парламентских дебатов и публицистики. В феноменологической традиции социального познания анализируются место и роль «социальных чувств» в динамике межгруппового социального конфликта. Например, конкурирующие «толкования истории» пронизаны чувствами. Страх снижает критичность восприятия, обедняет когнитивную сферу, стимулирует переход к примитивным оценочным формам восприятия в конфликте. Гнев и ненависть как реакция на пережитые боль и страдания тем интенсивнее, чем, по мнению переживающих эти чувства, преднамереннее и осознаннее действия обидчика. Чувство унижения часто является следствием уверенности в своем праве на место в социальной структуре и переживания отказа. Рассказанная история унижения приводит к появлению устойчивой враждебности к чужой группе и делает конфликт трудноразрешимым. Вина часто выполняет функцию социального контроля: если члены группы принимают на себя вину за прошлую агрессию в отношении чужой группы, то они воздерживаются от новых актов насилия. Надежда может быть мощной позитивной силой в конфликте, позволяющей соглашаться на компромиссы, принимать риски, прощать.

Психологический контекст конфликта влияет на каждого члена конфликтующей группы. Конкурентное мировоззрение, меньшая гибкость мышления, склонность к черно-белым интерпретациям событий, высокая чувствительность к любым признакам угрозы функциональны для высокого уровня сплоченности в группе, но существенно затрудняют урегулирование конфликта.

Метод дискурс-анализа позволяет выяснять, каким образом СМИ поддерживают полярное видение реальности у членов группы, вовлеченной в конфликт, как конструируются представления о собственных проблемах, о действиях участников конфликта как несправедливых, какова роль этого процесса в поддержании у целевых аудиторий определенного взгляда на конфликт, какие применяются риторические средства и интерпретативные репертуары.

Выражением потребности рационального понимания социальных конфликтов (в которых так велика роль иррациональных, аффективных элементов) в новой коммуникативной ситуации являются попытки создать модели конфликтного дискурса и разработать типоло-

гию ситуаций конфликтного общения. Исследовательский интерес сосредоточен на факторах, обуславливающих зарождение, развитие и разрешение конфликта в речевом взаимодействии, на функциональных характеристиках конфликтного дискурса как коммуникативного акта и на семантических и прагматических аспектах речевого поведения оппонентов [6]. В качестве инструмента анализа используются разработанные в конфликтологии представления о развитии конфликта как процесса, проходящего ряд этапов: от потенциального, когда отсутствуют проявления негативных эмоций, враждебности, и только известные взаимодействующим имплицитно сигнализируют о латентном конфликте, к созревшему конфликту, когда различия в позициях, целях, оценках эксплицированы, и, наконец, к урегулированию путем переговоров, уступок, предположений, смены темы, умолчания. Интересно, что конфликт может иметь место, даже если в речевом общении соблюдаются правила кооперации. И наоборот, кооперация может реализовываться без соблюдения «принципов кооперации Грайса» и «постулатов вежливости Лича».

В конфликтном дискурсе применяются различные коммуникативные стратегии [7]–[9]. Они реализуются сообразно цели в конкретной ситуации как последовательность коммуникативных выборов речевых действий и языковых средств. На психологическом уровне коммуникативным ходам соответствуют вызовы, защиты, отступления, которые связаны с чувствами и эмоциями. Стратегия диктует тактики: локальные риторические приемы и линии речевого поведения. Конфликтный дискурс – это и борьба за коммуникативную инициативу, за право подчинить диалог своим целям. Коммуникативная инициатива – характеристика вклада в общение, настойчивости и последовательности в отстаивании своей темы (реализации своей воли, заинтересованности, императивности).

В конфликтном дискурсе индикаторами коммуникативной инициативы выступают следующие особенности речевого поведения: доминирование приказов, предписаний, вопросов, нарушение норм согласования коммуникативных ходов – отказ от ответного речевого акта, перебивание, присвоение чужого коммуникативного хода, активное выражение несогласия с ходом коммуникации. Защита и сохранение своей темы может обеспечиваться заданием нормы, присвоением права цензора. Коммуникативная инициатива отражает статус, социальную роль, психологический тип, тип языковой личности, коммуникативные способности, привычки, коммуникативное состояние личности.

В традиции критического анализа дискурса понятие конфликтного дискурса приобретает иной, более широкий смысл. Его участниками являются не только непосредственные субъекты коммуникативных конфликтов, не только те, кто ведет полемику в СМИ, в социальных сетях, с трибун и кафедр, но и все те, кто производит представления о конфликтах, в том числе члены экспертного академического сообщества, управленцы в сфере образования, конфликтологи. В настоящее время доминирующим в так понимаемом конфликтном дискурсе является представление о неизбежности социальных конфликтов, их принципиальной неразрешимости при любых вариантах человеческого общежития. Тем настоятельнее ведется поиск моделей и технологий их урегулирования, способов управления их характеристиками. Одной из особенностей современного конфликтного дискурса является, например, то, как тщательно в западных СМИ избегают слова «война» – замещают его нейтральной лексикой («конфликт», «операция», «устройство», «умиротворение», «наведение порядка»), политическими эвфемизмами, программирующими общественное мнение.

Коммуникативная парадигма стимулирует анализ социального конфликта с позиций социолингвистики, прагматической лингвистики, антропологической лингвистики, когнитивно-культурологической лингвистики, теории речевых актов и т. п. В этой парадигме развивается

и конфликтологическая практика. Создаются учебные заведения по подготовке специалистов-медиаторов. Разрабатываются программы тренингов, направленные на обучение конструктивному поведению в конфликте, например, широко известная программа ПОИР («Постепенные и обоюдные инициативы по разрядке напряженности») для международных конфликтов (Ч. Освуд). Совершенствуются методики переговоров (Д. Скотт, Ш. и Г. Боуэр, Г. Келман), технологии медиации (В. Линкольн, Л. Томпсон, Р. Рубин), мировую известность обрел «гарвардский метод принципиальных переговоров» (Р. Фишер и У. Юри).

Эвристический потенциал коммуникативной парадигмы в конфликтологии, в особенности на отечественной почве, далеко не исчерпан. Мировоззренческая основа разворачивающегося в этой парадигме конфликтного дискурса (в широком смысле) – либеральная идеология, согласно которой универсальная модель урегулирования любого конфликта – это договор автономных субъектов. Действительно ли эта модель универсальна? Если мировоззренческие альтернативы возможны, то коммуникативную парадигму не следует абсолютизировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касевич В. Б. Когнитивная лингвистика: В поисках идентичности. М.: Языки славянской культуры, 2013. 193 с.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
3. Седов К. Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2002/articles/sedov/> (дата обращения: 15.05.2017).
4. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
6. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2008. 48 с.
7. Богданов В. В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс, личность. Тверь: ТвГУ, 1990. С. 26–31.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
9. Пушкин А. А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс, личность. Тверь: ТвГУ, 1990. С. 50–60.

A. V. Shcherbina

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

COMMUNICATORY PARADIGM IN CONFLICTOLOGY

This paper covers the heuristic potential of social conflict analysis in the communicatory paradigm, which allows enriching of Russian conflictology with methods of modern linguistics. Methodological guidelines are outlined for discourse analysis of a social conflict as a process with latent and explicit phases. Special attention is paid to the concepts of communicative conflict and conflict discourse.

Social conflict, communication, sociolinguistic analysis, cognitive structure, discourse analysis, communicative conflict, conflict discourse, communicative strategy
